
Е. С. СЕНЯВСКАЯ

**«БЕЗ БАБЫ И БЕЗ ВИНА
И ВОЙНА НЕ НУЖНА»:
ПРОБЛЕМЫ ФРОНТОВОЙ МОРАЛИ
В ПЕРИОД ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ***

На основе писем, дневников и воспоминаний участников боевых действий раскрывается один из важных аспектов фронтовой повседневности русской армии в период Первой мировой войны – девальвация традиционных нравственных ценностей и крушение моральных устоев в экстремальной обстановке военного времени. Рассматриваются пьянство военнослужащих в условиях официально объявленного сухого закона, половая распущенность, мародерство, неприязнь фронтовиков к «тыловым и штабным крысам» и др.

Ключевые слова: *Первая мировая война, фронтовая повседневность, культурный шок, фронтовая мораль, асоциальное поведение, падение дисциплины, разложение армии.*

«Война приводит к ожесточению сердец и падению нравов» – эта старая истина в полной мере проявила себя в Первую мировую войну, обострившую до предела многие социальные язвы, разрушившую нравственные барьеры, совершившую переворот в сознании миллионов людей. «Пограничное, пороговое состояние особенно ярко проявляется во время войны – в период испытания всех сил личности и ценностей, связывающих ее с социумом, выявления самой сущности человека. Современная война, ведущаяся техническими средствами, ставит каждого перед выбором: утраты человеческого, ухода в болезнь или подчинения ритму, духу, законам войны... Первая мировая война для русского комбатанта имела особое значение. Для России она являлась первой современной войной “нового типа”. С другой стороны, солдат, как и все российское общество, не был к такой войне готов, прежде всего в силу несовпадения культурной организации общества и характера вой-

* Статья подготовлена в рамках ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России», соглашение № 14.В37.21.0967.

ны. Результатом этого неминуемо должен был стать культурный шок, который ощутили миллионы солдат, очутившиеся на театре военных действий» (Асташов 2002: 268).

«Такова война: здесь чувствуешь только то, с чем сейчас приходишь в соприкосновение. Живешь только тем, что волнует сию минуту, – писал военный врач Л. Войтоловский (1998: 342). – Вчера и завтра – слова, незнакомые войне. Будущее – это золотая химера, в которую верят одни младенцы. Прошлое – даже то, что происходило совсем недавно, – представляется далеким полузабытым сном. Да и вся война – это какой-то страшный сон наяву. Мир, оторвавшийся от тысячелетних привычек и убеждений и напоенный блеском и радостью обманов, лжи и пороков. Старые заповеди: не убий, не укради, не пожелай ни вола, ни осла своего ближнего – здесь, на фронте, звучат как злая насмешка. Кто хочет побеждать, тот не станет грезить о пустяках, тот смело хватается за меч. Таков душевный строй на войне, и в этом наше спасение. Если бы мы лишены были этой способности перевооружаться новыми догмами применительно к новому бытию, людям ничего бы не оставалось, как поминутно сходить с ума от грубых противоречий между претензиями фальшивого тыла и требованием повелительных пушек».

Самым распространенным проявлением асоциального, с точки зрения обывателей, поведения, а на деле – попыткой снятия боевых стрессов наиболее простым, доступным и привычным способом, явилось массовое *пьянство* в рядах действующей армии, которое не смог обуздать даже введенный в России сухой закон.

18 июля 1914 года царское правительство ввело запрет на продажу алкоголя на время мобилизации, который в конце августа был продлен «до окончания войны». Впрочем, запрет не распространялся на продажу церковного вина в храмах и всех видов спиртных напитков в ресторанах первого разряда и буфетах при собраниях и клубах, т. е. питейных заведениях для состоятельных сословий. Производство спиртного было свернуто, но виноторговцы сохраняли право торговли винами довоенного производства. Сухой закон коснулся в основном «рабочей скотинки», низов общества. В деревнях же возросло самогонование.

Что касается армии, то еще в 1908 году была отменена «винная порция»: выдача водки нижним чинам была воспрещена, и она была изъята из продаж в солдатских буфетах и лавках. «Начальникам всех степеней было запрещено по своему усмотрению давать водку нижним чинам части в военное и мирное время; выдача ее допус-

калась лишь отдельным нижним чинам в виде лекарства. Винную порцию разрешалось, однако, заменять легким виноградным вином, пивом или улучшенной пищей по усмотрению, в зависимости от времени года, условий квартирования и пр.» (Аранович 2006: 375).

С начала войны спирт поставлялся только в госпитали и лазареты, а солдаты и главным образом офицеры с трудом доставали горячительные напитки «по случаю», чтобы отметить праздники, расслабиться на отдыхе или просто согреться. Тогда же при отсутствии достаточного количества спиртного в условиях боевых стрессов появились морфинисты и кокаинисты: сравнительно доступный в то время наркотик заполнил образовавшуюся пустоту.

Упоминания о спиртном в разных обстоятельствах фронтовой жизни часто встречаются в дневниках прапорщика Бакулина.

9 ноября 1914 года. Солдаты обыскали немецкие ранцы, хлеба не было, было сало фунтов 5, у некоторых консервы, какая-то мазь в баночках, которую солдаты пробовали на язык, сначала мазнув пальцем по мази, а потом палец на язык, оказалась несъедобная, а противная, как мне говорили некоторые из солдат. Во флягах была водка, которую «землячки» тоже попробовали, тоже не одобрили, «больно крепка, да очень сладка, так, что противно» (Из дневников... 1999: 47).

25 марта 1916 года. Карточная игра и пьянство в войсках процветают... Игры, понятно, азартные. Пьют коньяк, так как с разными ухищрениями его достать сложно, достают по рецептам военных докторов..., по высокой цене у торговцев. Также теперь стал в большом ходу спирт, который легче достать, чем коньяк... Иногда приходится доставлять водку казенную и теперь, кто ее пьет, заявляет, что она слаба и ее тоже сдобривает спиртом, чтоб была крепче (Там же: 85).

14 июня 1916 года. Один из наших полков 50-й дивизии отбил 20 бочек рому. Вообще, в Луцке было оставлено вина много, но как явился интендант, то все было конфисковано, и он уже продавал всем желающим офицерам коньяк и ром по 5 руб. за бутылку, и, так как спрос был велик, то цену увеличил до 10 руб., а теперь совсем не продает. Вырученные за вино деньги якобы пошли в государственный доход. Вряд ли все, а так, крохи в доход попадут (Там же: 01).

23 ноября 1916 года. В Луцке одеколон можно покупать с разрешения коменданта. Корпусной врач, большой специалист

по спирту, возмущен тем, что теперь спирт доставляется в лазареты госпиталя с примесью эфира. «Черт знает што, – восклицает врач, – сами выпивают, и чтоб погасить убыль, подливают эфир – даже пить нельзя» (Из дневников... 1999: 102).

26 марта 1917 года. Сегодня еще разбили погреб с вином, вино выпустили на землю и тут черпали прямо с грязью. Мой взвод весь перепился. Одним словом, все солдаты пьянствуют и дебоширят. Разыскивают у жителей вино и прямо увозят, а жители, у которых тащат вино, указывают на других, у кого еще вино есть – так беспрерывно и идет... (Там же: 112).

Весьма неприглядную картину периода отступления в сентябре 1915 года в Полесье рисует Войтоловский: «Варынки, Васюки, Гарасюки... В воздухе пахнет сивушным маслом и спиртом. Кругом винокуренные заводы. Миллионами ведер водку выпускают в пруды и канавы. Солдаты черпают из канав эту грязную жижуху и фильтруют ее на масках противогазов. Или, припав к грязной луже, пьют до озверения, до смерти. Земля вся пропитана спиртом. Во многих местах достаточно сделать ямку, копнуть каблуком в песок, чтобы она наполнилась спиртом. Пьяные полки и дивизии превращаются в банды мародеров и на всем пути устраивают грабежи и погромы. Особенно буйствуют казаки. Не щадя ни пола, ни возраста, они обирают до нитки все деревни и превращают в развалины еврейские местечки... Пьяный разгул принимает дикие размеры. Пьянствуют все – от солдата до штабного генерала. Офицерам спирт отпускают целыми ведрами. Каждая часть придумывает всевозможные предлоги для устройства официальных попок. В одном месте батарея 49-й бригады вспомнила о своем батареинном празднике и остановилась в лесу, в стороне от дороги. На высоких соснах кое-как примостили наблюдательные пункты. Раскинулись пикником на травке. Мобилизовали всех поваров. Вытащили спирт. Вдруг обстрел. Кто-то из офицеров залез под зарядный ящик. Снарядом ящик зажгло. Все растерялись. Фейерверкер по имени Новак, рискуя собственной головой, откатил ящик и вытащил офицера. Батарея спешно передвинулась на другое место. Когда послали за спиртом, спирта не оказалось. По постановлению офицеров всех поваров пороли, но спирта так и не нашли.

Пьяные солдаты совершенно вышли из повиновения. Самые солидные из наших артиллеристов ходят пошатываясь. Щеголева-

тый Блинов попался мне на днях на глаза в ужасном виде: весь грязный и с большим синяком под глазом.

– И вам не стыдно, Блинов? – упрекнул я его.

– Виноват! – ответил он заплетающимся языком. – Водка рот вяжет, а душу тешит...» (Войтоловский 1998: 425–426).

О захваченных во взятых городах запасах горячительных напитков упоминает прапорщик Д. Оськин: «Радзивиллов (город в Западной Украине. – *Е. С.*) быстро разрушается. Почти каждый день то в одном, то в другом конце города случаются пожары от неосторожного обращения наших солдат с печами, в которых они готовят пищу, не довольствуясь обедами из походной кухни... В подвалах солдаты находят водку и вина. Пока об этом неизвестно офицерам, солдаты напиваются сами, но по мере обнаружения вино и водка забираются в офицерское собрание» (Оськин 1998: 247). И легко находит оправдание подобному поведению: «Наш полк к семи часам утра вошел в город. Потери колоссальные... Единственной наградой оставшимся в живых была масса захваченных в Бродах наливок, настоек, ликеров. Три-четыре дня стояния в резерве все офицеры полка были пьяны. Пили, пока не уничтожили всего запаса» (Там же: 252).

Кстати, неприятель нередко использовал тягу к алкоголю как средство нанесения урона личному составу противоборствующей стороны: в документах упоминаются факты, когда немецкие и австрийские войска специально оставляли при отступлении или подбрасывали к русским позициям бутылки с отравленным спиртным.

Другой вопрос связан с гендерными отношениями в условиях войны и *половой распущенностью*.

Первая мировая война вызвала всплеск сексуальной активности среди солдат и офицеров. Циничная солдатская присказка гласила: «Без бабы и без вина и война не нужна» (Федорченко 1990: 39–40). «Среди солдат получили распространение порнографические открытки и фотографии, которые в большом количестве пересылались из Франции. Многие офицеры писали письма своим женам и подругам каждый день, нумеровали их (были за 300 номеров и больше). Цензора отмечали подробности таких писем, до которых «никакой Мопассан не додумывался»» (Асташов 2007: 373–374).

Беспорядочные интимные связи с женщинами-окопницами, беженками, проститутками в оккупированных районах Австро-Венгрии, жительницами населенных пунктов прифронтовой полосы, сестрами из Красного Креста, добровольцами и др. стали мас-

совым явлением с самого начала войны. Нередкими были случаи насилия над женщинами на захваченной территории противника, в чем особо отметились казаки.

Резко возросло количество венерических заболеваний, распространение которых в действующей армии сравнивали с тифом. При этом многие из заболевших не только не стыдились, но даже гордились своей болезнью и продолжали сексуальные похождения. «Блядовать не перестаяю, стараюсь употреблять, не считаюсь с половыми болезнями», – бахвалился в письме один из офицеров (Оськин 1989: 315–316).

26 ноября 1915 года прапорщик Бакулин отмечал в своем дневнике: «В приказе начальника Западного фронта говорится: “Доктора, несмотря на свое высокое призвание, держат себя не так, как им подобает, предаются пьянству и развращают сестер милосердия, что и ставится им на вид и предлагают им исправиться”» (Из дневников... 1999: 75). 13 мая 1916 года он пишет: «Венерические болезни свирепствуют не только между военными, но также, как это ни прискорбно, между сестрами милосердия, и не их награждают болезнями, а они. Недавно со ст. Молодечно было отправлено на излечение сто сестер; по словам одного врача, в Варшаве лежало в госпитале до 300 сестер и несколько священников. Больные военные также не эвакуируются на излечение, эвакуируются только, у которых тяжелая форма болезни. Когда эвакуировали всех заболевших, то было замечено, что некоторые заражались намеренно, чтобы эвакуироваться. В Польше даже жида предлагали товар с вопросом: “Для удовольствия или эвакуации?”» (Оськин 1989: 87). На фронте сифилис даже называли «сестритом», а символику Красного Креста над учреждениями военно-санитарных организаций сравнивали с «красным фонарем» (Асташов 2007: 375).

Офицеры о присутствии женщин в армии, как правило, высказывались без восторга, даже если те проявляли себя с самой положительной стороны. Недоверие и приклеивание «ярлыков» присутствовали изначально и преодолевались с трудом.

Приведем несколько отрывков из воспоминаний полковника Г. Н. Чемоданова. Первый описанный им случай касается сестер милосердия. Здесь обращает на себя внимание намек полковника о «благах», связанных с соседством Красного Креста, имеющий явно негативный оттенок, а также упоминание о том, что такое соседство – явление весьма редкое: «Во время доклада адъютант рассказывал мне новости, происшедшие за день, и между прочим со-

общил, что тут же в имении расположен отряд Красного Креста. Удивление мое будет понятно тем, кто знает, как помпезно обычно располагались эти отряды и какие блага для полка проистекали от такого редкого соседства. Мне показалось невероятным, что я мог не знать о присутствии отряда, находясь в имении более суток» (Чемоданов 1926: 121). И тут выяснилось, что от большого некогда отряда, основная часть которого была отправлена в тыл, остались только белый флаг с красным крестом на доме, две юные сестры милосердия, четырнадцать санитаров и две санитарные повозки. Ни фельдшера, ни врача. «Вы понимаете, господин полковник, какое свинство устроили! – возмущался адъютант. – В такое время оставить двух молодых девушек на произвол четырнадцати санитаров...». И начал рассказывать, в каких условиях они живут: в холодном полуразрушенном здании, спят на нарах, питаются впроголодь, «и, кроме того, солдаты заставляют их каждый день по два часа газеты читать». Полковник посочувствовал и предложил «подкормить девиц» – приглашать их обедать вместе с офицерами.

И вот «...к четырем часам за обедом собралась большая и непривычная компания. Присутствие двух сестер милосердия, молодых, интересных девиц, подтянуло собравшихся. Штабная молодежь сидела в своих лучших кителях, тщательно выбритая. Приехавшие с передовой гости потуже подтянули ремни своих гимнастеров и аккуратней расправили на них складки. Одичавшие в условиях жизни последних месяцев, отвыкшие не только от женского общества, но даже от вида дам, офицеры первое время чувствовали себя, видимо, связанными и держались с комичной торжественностью великосветских банкетов. К концу обеда настроение, однако, изменилось, непринужденность и простота, с которой держались наши гости, рассеяли натянутость, и разговор сделался общим, с тем особым оттенком оживленности, который получается от присутствия в мужской компании интересных женщин» (Там же: 123–124).

Во втором эпизоде Чемоданов повествует о встрече с женщинами-добровольцами из «батальона смерти». Дело происходит в период разложения армии, когда солдаты бегут с позиций, офицеры потеряли всякую власть и возможность наводить порядок. А женщины... Женщины остаются на посту и продолжают выполнять свой долг!

«За несколько дней до выступления на позицию, – вспоминает Чемоданов (1926: 110), – ко мне в штаб полка явились две молодые женщины из расформированного уже к тому времени батальона Бочаровой (вероятно, Бочкаревой. – *Прим. ред.*). “Примите нас на службу в полк”, – обратились они ко мне с просьбой. Молодые, здоровые, рослые девицы, шинели туго перетянуты ремнями, на стриженных головах лихо надвинуты папахи. “Первый случай в моей практике”, – отношусь скептически и этого не скрываю; на повторные просьбы предлагаю вопрос перенести в полковой комитет, и вот эта пара хорошо грамотных разбитных девиц у меня в полку на должности телефонистов в команде службы связи». Далее он описывает панику, когда вся рота убежала в тыл, а на передовой остались сам ротный, его денщик, телефонист, фельдфебель, повар и обозные от кухни, «девять человек всего и баба в их числе, телефонистка. “Ну и как она себя держала?” – спросил полковник у ротного, когда тот доложил обстановку. “Молодец баба, не меньше меня ругала и стыдила солдат”, – был ответ».

В целом отношение офицеров к женщинам в армии в Первую мировую войну представляется весьма противоречивым: с одной стороны, недоверие, скептицизм, настороженность, с другой – снисходительная опека, покровительство «слабому полу», с третьей – желание подтянуться, проявить себя с лучшей стороны, оказавшись в обществе «дам».

Отношение к представительницам Красного Креста со стороны солдатской массы было откровенно враждебным. В книге Софьи Федорченко «Народ на войне. Фронтовые записи» есть такие строки от имени солдата: «На той войне и сестры больше барыни были. Ты пеший, без ног, в последней усталости грязь на шоссе месишь, а мимо тебя фырк-фырк коляски с сестрицами мелькают» (Федорченко 1990: 265).

Еще одно свидетельство (относящееся к 1917 году) – воспоминания большевика А. Пирейко, который служил рядовым (вернее, всеми способами отлынивал от службы, а потом красочно описывал в мемуарах свои подвиги в качестве дезертира). Он рассказывает, как в поезде, где он ехал, пассажиры, состоявшие главным образом из военных, всю ругали большевиков. И тогда этот находчивый товарищ провел блестящую провокацию: сообщил солдатам, размещенным в вагонах третьего класса, что во втором классе едут женщины из «батальона смерти» (на передовую, в действующую армию!). Возмущенные этим обстоятельством солдаты («Как это

так? Нас возили кровь проливать в теплушках, а этих б..., которые будут так же воевать, как и сестры воевали с офицерами, возят еще во втором классе!»), отправились «разбираться» с добровольцами. Недовольство было направлено в новое русло, о большевиках забыли (Пирейко 1926: 57). Интересен как сам факт, рисующий отношение солдат к женщинам в армии (в том числе к медсестрам из Красного Креста), так и бравый тон, которым он описан.

Пренебрежительно-потребительское отношение к женщине в Первую мировую войну как к «средству для удовлетворения половой потребности мужчин» сформировалось в результате сексуальной революции, обрушившейся на традиционное общество в условиях стремительной маргинализации огромных человеческих масс. Ранее запретное и постыдное становилось легко доступным и уже не столь порицаемым – в силу масштабности самого явления. В этом контексте «всеобщего грехопадения» развратные сестры осуждались солдатской массой не столько за то, что были доступны, сколько за то, что были доступны для избранных – офицеров, начальников, но не для простых солдат.

Русских солдат озлобляли также нередкие сообщения из тыла, согласно которым австро-венгерские военнопленные, используемые на хозяйственных работах в деревнях, сожительствовали с солдатками, чьи мужья были на фронте. Обычно к таким работам привлекали этнически близких славян (русинов, словаков, чехов, поляков), с которыми легче было общаться на бытовом уровне. Так, в имениях помещиков во время войны пленные славянского происхождения составляли от 15 до 30 % всех работавших на сельхозработах, где с ними могли контактировать солдатки (Хрящева 1921: 18, 25). Неслучайно в отчетах военной цензуры отмечалось, что «глубже всего затрагивает нашего солдата сознание, что нарушителем его семейного счастья являются зачастую даже не русские, а пленные – австриец или немец, которыми правительство пользуется для полевых работ» (Асташов 2007: 376–377). В письмах с фронта и на фронт сообщалось, что «все бабы безмужние с пленными австрийцами жили» (Федорченко 1990: 316), что жены, «как с цепи сорвавшиеся, развратничают с пленными австрийцами всюю, такое творится, что дома противно быть», «сифилис и другие болезни венерические процветают», что «некоторые дивчата хотят замуж выходить за австрийцев, надо им морду набить и тогда прохладятся» и т. п. (Там же: 377). Возмущенные солдаты требовали от начальства и местного духовенства «обуздать» и «усовестить

баб», и в результате вопрос был поднят военным командованием. Так, 3 августа 1916 года командующий 5-й армией генерал В. Гурко послал министру внутренних дел А. А. Хвостову предложение «приказать подлежащим гражданским властям безотлагательно взыскать и провести меры для немедленного пресечения создающегося положения при использовании в деревнях военнопленных как рабочей силы» (Асташов 2007: 377).

Результатом «падения нравов» и половой распущенности в годы войны стало заболевание венерическими болезнями в России 3,6 млн. мужчин и 2,1 млн. женщин (Там же: 373).

Еще один сюжет связан с *мародерством*.

20 ноября 1914 года артиллерийский прапорщик Ф. А. Степун (будущий известный философ) писал жене из Галиции: «Над всем городом стоит вой оставшихся жителей. Происходит необходимая реквизиция керосина, сена, овса, скота. У уличного фонаря дерутся из-за керосина две русинских женщины. Их, восстанавливая порядок, разгоняют казаки. У каждого под седлом бархатная скатерть или вместо седла шитая шелками диванная подушка. У многих в поводу по второй, по третьей лошади. Лихая публика. Какие они вояки, щадят или не щадят они себя в бою, об этом мнения расходятся, я своего мнения пока еще не имею, но о том, что они профессиональные мародеры, и никого и ни за что не пощадят – об этом двух мнений быть не может. Впрочем, разница между казаками и солдатами заключается в этом отношении лишь в том, что казаки с чистой совестью тащат все: нужное и ненужное; а солдаты, испытывая все же некоторые угрызения совести, берут лишь нужные им вещи. Очень строго к этому я совершенно не могу относиться. Человек, который отдает свою жизнь, не может щадить благополучия галичанина и жизни его телки и курицы. Человек, испытывающий над собою величайшее насилие, не может не стать насильником. Кутузов это понимал, и когда к нему приходили с жалобами на мародерство, он, бывало, говаривал “лес рубят, щепки летят”» (Степун 2000: 20–21).

19 апреля 1915 года Войтоловский (1998: 229) описывал отступление русских войск из той же Галиции: «Идет мелкое мародерство. Бесцельное, наглое. С заборов снимают торбы, ведра, посуду. Забегают во дворы, шарят в крестьянских избах, грабят дома, фольварки, местечки. И через двадцать минут все награбленное летит под ноги грохочущему потоку. Бросают все, что берут: сорванные с окон кисейные занавески, плюшевые скатерти, белье,

самовары, кастрюли, граммофонные трубы, пластинки, вазы, щетки, горшки... Все это запружает дорогу, трещит под колесами и разжигает жажду погрома. Бросают одно – и снова грабят лежащие по пути дома, и снова бросают. Бегущая армия не ведает ни жалости, ни евангельской любви и с презрительным отвращением относится к патриотизму, суду потомства и чужой собственности...»

22 июня 1915 года вышел секретный приказ командующего 3-й армией генерала от инфантерии Леша, который, в частности, гласил: «По дошедшим до меня достоверным сведениям город Замостье при отступлении наших войск был разграблен казаками (частью в черкесках), причем были случаи насилия над женщинами... Установлены случаи взламывания сундуков и шкафов. К сожалению, я сам лично убедился в справедливости жалоб, особенно на казачьи войска. Всем начальствующим лицам предписываю принять самые строгие меры против мародерства и грабежа» (Войтоловский 1998: 332).

Явление это было масштабным и повсеместным. 6 марта 1916 года М. Исаев¹ писал жене с Кавказского фронта: «Не проходит дня, чтобы персы не приходили жаловаться, что у них солдаты и казаки отнимают сено бесплатно, отбирают деньги, обижают даже женщин. Дыму без огня не бывает. Отправляющимся на фуражировку дают деньги. Так соблазнительно оставить себе 4–5 рублей. Наши солдаты рассказывали мне, что жители на вопрос, есть ли у них сено, всегда отвечают “нет”. Приходится отыскивать запрятанное сено, отбирать его “нахалом” и затем платить. Так вот, всегда ли производится последнее? И не от того ли прячется сено, что обычно за него не принято платить. ... Своим-то я уже сколько раз объяснял положение этих несчастных персюков, что они и без того крепостные. Но сказать, что и наши никогда не злоупотребляли бы – я бы не смог. Зная отдельные личности – за своих смог бы поручиться, за других нет. А вместе тем, как и станешь особенно обвинять. После разгрома С.-Б., обозы некоторых частей были прямо набиты коврами и другим имуществом. Враг Красного Кре-

¹ Автор статьи выражает признательность доктору исторических наук, ведущему научному сотруднику Института российской истории РАН Сергею Алексеевичу Козлову, обнаружившему в Центральном архиве документальных коллекций г. Москвы (ЦАДКМ) (ныне – Центральный московский архив-музей личных собраний – ЦМАМЛС) комплекс писем участника Первой мировой войны М. М. Исаева и любезно предоставившего возможность использовать их в данной работе.

ста мне говорил третьего дня, что старший врач этого транспорта оставил ему 40 больных, потому что его двуколки были заполнены коврами. А ведь это врач! А сколько иногда и золота досталось победителям. На обиду женщин смотрим сквозь пальцы. Все эти “уроки” не проходят бесследно для солдат, конечно. Распустить-то легко, а как потом подтянуть?» (ЦМАМЛС: 38–39 об.).

Прапорщик Д. Оськин писал в июне 1916 года о разоренном прифронтовом городе Радзивиллов, откуда за несколько часов были выселены все жители: «Все здания заняты людьми полка. Почти на каждом дворе летал пух из вспоротых подушек и перин. Ни в одной квартире не остались не вскрытыми сундуки и шкафы. Мебель, посуда – все ломалось, коверкалось. Обшивку мебели – плюш, бархат, кожу – сдирали: одни на портянки, другие на одеяла, третьи просто так, озорства ради. Офицерство всех батальонов, пользуясь тем, что позиция проходила по самой окраине города, расположилось не в окопах, как обычно, а в домах, производя там ревизию оставленного имущества. ...Если в первую ночь из Радзивиллова вереницей выходили нагруженные домашним скарбом жители, то с утра следующего дня потянулись повозки с награбленным имуществом, сопровождаемые денщиками. Маршрут небольшой. Всего полторы тысячи верст.

...Очистка квартир от ценного имущества производится поголовно всеми. С легкой руки некоторых офицеров солдаты в свою очередь набивают вещевые мешки всяким барахлом.

– Куда это вам? – спрашиваю я некоторых солдат. – Неужели до конца войны вы будете таскать всю эту дрянь?

– Ничего, ваше благородие, потаскаем...» (Оськин 1998: 245, 247).

Наконец, еще один вопрос, который следует затронуть, – острая *неприятель фронтвиков к «тыловым и штабным крысам»*, которых в солдатской массе окрестили «внутренним врагом».

«Кроме своего трагического облика война явила мне и свой отвратительный лик, – писал 14 октября 1914 года Ф. Степун. – Угнетающая забитость серых солдатских масс, что уныло поют в скотских вагонах. Бесконечное хамство некоторых “благородий”, блистательная глупость блестящих генералов, врачи стратеги и сестры кокотессы... Впрочем, все это исключения, общий дух безусловно чист, хорош и бодр» (Степун 2000: 10).

Между тем «забитые серые солдатские массы» уже искали виновников своих бед и находили их отнюдь не во вражеских окопах.

Неслучайно 4 января 1915 года, ругая в дневнике высокое начальство, прапорщик Бакулин писал: «Вообще здесь люди нипочем, ибо они ничего не стоят, а вот какая-нибудь грошевая казенная вещь – та ценится, и очень высоко, людей теряй, сколько хочешь, под суд не попадешь, а за вещь казенную, которой грош цена, под суд угодишь и не оберешься неприятностей» (Из дневников... 1999: 51–52). Подобное отношение не прощалось, вызывая у солдат постепенно зреющее недовольство.

В. Арамилев писал: «В окопах меняются радикально или частично представления о многом. В Петрограде учили, что “внутренний враг” это те, которые... А на фронте стихийно вырастает в немудром солдатском мозгу совсем другое представление о “внутреннем враге”».

В длинные скучные осенние вечера или сидя в землянке под впечатлением адской симфонии полевых и горных пушек мы иногда занимаемся “словесностью”. Кто-нибудь из рядовых явочным порядком присваивает себе звание взводного и задает вопросы. На вопрос, кто наш внутренний враг, каждый солдат без запинки отвечает:

– Унутренних врагов у нас четыре: штабист, интендант, каптенармус² и вошь.

Социалисты, анархисты и всякие другие “исты” – это для большинства солдатской массы – фигуры людей, которые идут против начальства, хотят не того, что хочет начальство. А офицер, интендант, каптер и вошь – это повседневность, быт, реальность. Этих внутренних врагов солдат видит, чувствует, “познает” ежедневно...» (Арамилев 1989: 540).

Но и фронтовые офицеры не меньше солдат ненавидели «штабных» и «тыловиков». Немало гневных страниц посвятил им в своем дневнике прапорщик Бакулин.

11 июля 1915 года. Так как в Варшаве гг. офицеры тыла проводят очень весело время, пользуются казенными автомобилями с шоферами-солдатами, напихают девиц легкого поведения и везут себя на автомобилях просто по-хулигански, то от командующего Юго-Западным фронтом было предписание для всех офицеров, даже находящихся на позициях, вести себя приличнее и казен-

² Каптенармус – унтер-офицер, заведующий ротной кладовой, в которой хранятся оружие, амуниция, одежда солдат.

ными автомобилями пользоваться для казенных надобностей только (Из дневников... 1999: 63).

13 января 1915 года. Теперь в войсках на позициях все основано на прапорщиках; ротных командиров, кроме прапорщиков и подпоручиков, нет, у нас в дивизии даже некоторыми батальонами командуют поручики. В тыловых учреждениях, разных командах сидят толстомордые поручики и капитаны, это те, кому бабушка ворожит и у тетьки хвост длинный; опасности не подвергаются, получают за что-то чины, ордена, награды и ничего не делают. Вообще, кто на передовых позициях – самый несчастный народ: сидят в окопах, голодают, мерзнут, мокнут под дождем и снегом, подвергаются ежесекундно опасности, награды даются скупо, а если и дадут, то получают больше убитые, чем живые. В штабах, там дело другое, у всех штабных и даже ординарцев, прикомандированных к генералам, награды так и сыплются, как из рога изобилия, а за что? За то, что на позициях есть болваны, которые сидят, мерзнут и голодают, которых никто из штабных не видит. Вообще людей, находящихся на позициях, штаб ни во что не считает, только бы были, да с винтовками, награждать их не стоит, все равно будут убиты (Там же: 52).

4 мая 1915 года. Наконец Верховнокомандующий обратил на ненормальность наград за боевые подвиги. Вышел от него приказ, что замечено, награды исключительно получают за боевые заслуги штабные, ординарцы при генералах и адъютанты, а остальные офицеры, в особенности пехота, наградами обойдена, посему приказано представить всех без исключения к наградам за бои при Сольдау, Варшаве, Лодзи и Сестржанке – это по нашему корпусу (Там же: 60).

М. Исаев 16–17 марта 1916 года писал жене с Кавказского фронта: «...Трудно представить себе наши переживания, их нужно пережить самому. Наши нервы должны сказаться после войны, и я знаю, тем я уже не вернусь, каким поехал. И виной, право, не эти турки и курды, что перед нами – а свои российские турки и курды, которые своим равнодушием и безучастием наносят нам в спину – удар за ударом. Вместе с тем – ни на минуту не сожалею, что пошел на войну. Совесть лучшее мерило наших поступков, а она у меня спокойна. Знаю, что ни тебя, ни детей не “обеспечил” – но все-таки это не так мало – оставить своим детям сознание, что их отец поступил честно» (ЦММЛС: 52). Месяц спустя, 24 апреля

1916 года, в Страстную субботу, он с горечью продолжит эту тему: «Ах, сколько можно было бы привести примеров и обвинений в бесчувственности к ближнему находящимся в тылу. И вот здесь сказалась наша общественная отсталость. В “Русских ведомостях” была помещена корреспонденция Осоргина из Рима, вызванная статьей московского корреспондента одной итальянской газеты. Итальянец прямо поражен равнодушием Москвы к войне, широкой жаждой наслаждений и т. п. Осоргин спрашивал, неужели это правда? Ну, редакция, конечно, говорит, что обобщать нельзя, что Москва как никто работает на войну, но что следует все-таки признать... В Англии – классической стране скачек – их нет теперь, во Франции почти нет театров – а у нас “пир во время чумы”. В старину купцы мазали физиономии “человиков” горчицей и платили. Теперь у нас с аукциона покупается за 400 р. последний бокал шампанского, и серьезные газеты считают своим священным долгом оповестить об этом всю Россию с упоминаниями имени патриота-жертвователя. Конечно, знаешь, что не этими любителями зрелищ и тонких аукционов – исчерпывается Россия, но все же обидно и горько за “верхи”, за “цвет” нашей страны. А простой народ продолжает свое дело. Я думаю, что глубокий инстинкт сидит в нем, что надо воевать, что им принадлежит в будущем Россия, и ее судьбы» (ЦМАМЛС: 80–83 об.).

Вопреки всем прогнозам и ожиданиям война затянулась. Она подвергла испытанию на прочность все винтики государственной машины, все стороны общественной жизни, нанесла чудовищный удар по сознанию народа и армии. После нескольких лет «сидения в окопах» чувство усталости от войны и у солдат, и у офицеров стало проявляться в отупении, безразличии, равнодушии ко всему. Возвышенные патриотические чувства сменились «физиологическим отвращением» к войне. «...Мне кажется, что все мы стали одновременно и много храбрее, и много трусливее, – писал жене 12 декабря 1916 года из Галиции Степун (2000: 152). – Храбрее в смысле возможности все перенести, а трусливее в смысле нежелания что-либо переносить. Храбрость окончательно утратила всякое родство с духом самозабвения и с нарядностью поведения, превратившись в пустую душевную нудность, в тупую привычку терпеть, в ужасное “все все равно”. Нервы же, конечно, у всех ослабли... Произошло это, думаю, мне, оттого, что постоянная опасность перестала ощущаться душою, как новое и значительное переживание, как некая духовная сущность. Когда-то в страшные

минуты в моей душе звучала мелодия, теперь опасность наполняет мою душу лишь отвращением к войне. Раньше мне казалось, что моим ранением и моей смертью ведаёт мудрая судьба, теперь мне часто сдаётся, что весь я всецело во власти какой-то идиотической случайности. Раньше свист шрапнели будил во мне метафизическую мысль о человеческой судьбе, возмездии, загробной жизни, – теперь он приводит мне на память запах гнойных бинтов, стоны и крики в перевязочных. Эта загрязнённость фантазии тяжело тяготеет надо мною, превращая мое духовное неприятие войны в чисто физиологическое к ней отвращение...»

Война ломала многие стереотипы сознания, крушила духовные ценности и моральные нормы, готовя народ к ещё более страшным потрясениям, зарождающимся в ходе её самой. В 1917 году после Февральской революции и падения монархии в России в условиях продолжающейся войны сначала рухнули основы воинской дисциплины, а затем и сама армия.

27 марта 1917 года М. Исаев с горечью писал своим детям о ситуации в войсках: «Плохо стало теперь воевать... солдаты уже не те стали. Хотели сделать солдат гражданами, а они ими не сделались, и солдатами настоящими быть перестали. Солдату теперь лучше живётся, чем офицеру. Ни за что не отвечает, начальства не боится. Какие это воины, каждый думает о своей шкуре, а об отечестве, об России только на словах говорит. Солдат рабочие пожалели, а нас офицеров не пожалели, а что армия без офицеров сделает?...» (ЦМАМЛС: 34–35).

Впереди были Октябрь 1917 года и братоубийственная Гражданская война...

Литература

Арамилев, В. 1989. В дыму войны. *Первая мировая: Воспоминания, репортажи, очерки, документы*. М.: Молодая гвардия, с. 537–543.

Аранович, А. В. 2006. *Интендантское снабжение русской армии во второй половине XIX – начале XX века*: дис. ... д-ра ист. наук. СПб.

Асташов, А. Б.

2002. Война как культурный шок: анализ психопатологического состояния Русской армии в Первую мировую войну. *Военно-историческая антропология. Ежегодник, 2002. Предмет, задачи, перспективы развития*. М.: РОССПЭН, с. 268–281.

2007. Сексуальный опыт русского солдата на Первой мировой и его последствия для войны и мира. *Военно-историческая антропология. Ежегодник, 2005/2006. Актуальные проблемы изучения*. М.: РОССПЭН, с. 367–382.

Войтоловский, Л. 1998. *Всходил кровавый Марс: По следам войны*. М.: Воениздат.

Из дневников офицера русской армии Бакулина (1914–1917 гг.). Публикация Т. К. Кудзаевой и Э. П. Соколовой. *Голоса истории. Материалы по истории первой мировой войны*: сб. науч. тр. Вып. 24. Кн. 3. М.: ГЦМСИР, 1999, с. 41–122.

Оськин, Д.

1989. Записки солдата. *Первая мировая: Воспоминания, репортажи, очерки, документы*. М.: Молодая гвардия, с. 480–485.

1998. Записки прапорщика. В: Мстиславский, С., Оськин, Д., *Откровенные рассказы*. М.: Воениздат, с. 211–427.

Пирейко, А. 1926. *В тылу и на фронте империалистической войны. Воспоминания рядового*. Л.: Рабочее изд-во.

Степун, Ф. А. (Н. Лугин). 2000. *Из писем прапорщика-артиллериста*. Томск: Водолей.

Чемоданов, Г. Н. 1926. *Последние дни старой армии*. М.; Л.: Госиздат.

Федорченко, С. З. 1990. *Народ на войне. Фронтовые записи*. М.: Советский писатель.

Хрящева, А. 1921. *Крестьянство в войне и революции: Статистико-экономические очерки*. М.: б. и.

Архивы:

ЦМАМЛС – Центральный московский архив-музей личных собраний. М. М. Исаев (1880–1950). Ф. 69. Оп. 1. Д. 82. Ф. 69.